
ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ: ОСНОВНЫЕ РЕАЛИИ

Ильин А. Н.*

Актуальность темы статьи заключается в отсутствии однозначной оценки системы патентования. Сегодня защита интеллектуальных прав собственности стала доминирующей в Мир-Системе. Однако нет единства мнений относительно того, является ли она необходимой и несет ли в себе какие-либо социальные блага. Автор проводит критический анализ защиты интеллектуальных прав собственности. На основе самой логики функционирования данной системы и на различных примерах он показывает отсутствие необходимости в такой защите. Патентование, как выясняется, не соответствует принципу справедливости и тезису о защите производителей. Также оно задерживает технологическое развитие в разных странах, сопрягается с присвоением чужих технологий и создает угрозу монополизма. Доказывается, что право интеллектуальной собственности вносит вклад в рост неравенства между странами и народами.

Ключевые слова: защита интеллектуальных прав собственности, патентование, неолиберализм, монополия, патентование, право интеллектуальной собственности.

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS: BASIC REALITIES

The problem of the study is the lack of an unambiguous assessment of the patenting system. Today the protection of intellectual property rights has become dominant in the world-system. However, there is no consensus on whether it is necessary and whether it carries any social benefits. The author makes a critical analysis of the protection of intellectual property rights. Using the very logic of the functioning of this system and various examples, he shows that there is no need for such protection. Patenting, as it turns out, does not correspond to the principle of fairness and the thesis of protecting manufacturers. It also delays technological development in different countries, is associated with the appropriation of other people's technologies and creates a threat of monopolism. It is argued that intellectual property law contributes to the growth of inequality between countries and peoples.

Keywords: protection of intellectual property rights, patenting, neoliberalism, monopoly, patenting, intellectual property law.

* Ильин Алексей Николаевич – к. ф. н., доцент Омского государственного педагогического университета и Омского государственного медицинского университета. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

Alexey N. Ilyin – Ph.D. Phil., Associate Professor at the Omsk State Pedagogical University and the Omsk State Medical University. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

Сложившийся в современной Мир-Системе неолиберальный порядок превращает информацию в товар, в объект купли-продажи. Он отказывается признавать в ней общее достояние. Библиотека заменяется правом интеллектуальной собственности. В данной статье мы критически рассмотрим систему патентования.

Отказ некоторых стран от рекомендаций международных структур, соблюдения патентного права и проведение политики протекционизма дает хорошие результаты для их экономики, а страны, следующие противоположным принципам, терпят неудачи. Разумный протекционизм является основой развития экономики, но он по своей сути противоположен системе, которая навязывается миру посредством Всемирной торговой организации и прочих институтов, легитимирующих и продвигающих неолиберальные порядки в Мир-Системе. Экономическое развитие возможно только посредством защиты государством национального производства. При этом США и Великобритания используют протекционизм, но вынуждают другие страны отказаться от протекционистских мер. Требуя от других стран открытия экономики, отмены импортных пошлин и т. д., страны Запада не торопятся открывать свои рынки для продукции развивающихся стран. Для того чтобы стать развитыми, страны защищали свою национальную промышленность; Запад не благодаря свободной торговле вышел на передовое место в экономическом, индустриальном и геополитическом смыслах. Неолиберализм же приводит к десоверенизации и экономическому кризису.

Патентование является неудачной затеей, несмотря на заверения, что оно защищает права изобретателей и дает им вполне легитимную возможность зарабатывать на своем изобретении. Дело в том, что изобретатели, хотя и обладают авторскими правами, крайне мало получают за свои открытия. На них наживаются спекулянты типа банкиров и прочих финансистов, вкладывающих деньги в производство запатентованных изобретений. На них зарабатывают те, кто обладает «смежными правами», – рекламщики и прочие, вкладывающие деньги в формирование спроса на тиражирование изобретенного продукта. Поэтому стоит вести речь о существовании феномена социального паразитизма рядом с системой патентования. Причем потери изобретателей, связанные с патентной защитой, имеют давнюю историю. Так, указывается, что при действовавшей еще в далеком XVII веке патентной защите в Англии многие изобретатели обманом были лишены доходов от своих новшеств [Валлерстайн 2015].

Приведем еще один исторический сюжет, смысл которого также актуален и в наше время. В США изобретатель по фамилии Оуэнс создал буквально революционную машину по производству бутылок. Однако немецкий картель бутылочных фабрикантов скупил патенты Оуэнса – но не для того, чтобы внедрить их в производственный процесс, а, напротив, для того, чтобы не дать им промышленного хода [Ленин 2021]. Иными словами, революции в этой отрасли не суждено было состояться, поскольку она показалась невыгодной наиболее богатым и могущественным производителям. Из подобных примеров можно делать вывод, согласно которому *патентное право способно притормаживать научно-технический прогресс в различных его областях*. Конечно, речь идет не о полной его остановке, но о тенденции к торможению.

Один из аргументов в защиту патентования – это стимулирование креативности. Однако креативность только подрывается, поскольку патентное право ограничивает доступ к информации. Само же такое ограничение накладывает серьезный отпечаток на развитие науки; ведь наука – явление коллективное, основанное на сопричастности и коммуникации между учеными. Именно открытость сотрудничества, свобода в обмене идеями и методами стимулируют инновации и творчество.

Далеко не все может подлежать патентованию, поскольку защита прав собственности, распространяющаяся на некоторые объекты, оборачивается нанесением социального вреда в самом прямом смысле. Одно дело, когда речь идет о свободе бесплатного скачивания компьютерных программ, книг, фильмов и музыки. Однако когда та или иная корпорация патентует созданное лекарство, она пользуется своим монопольным положением и решительно противодействует тому, чтобы кто-то производил и распространял аналогичное лекарство по сниженным ценам. Результат – недостижимость препарата для бедных слоев населения и огромных масс людей из стран третьего мира со всеми вытекающими последствиями: тиражирование страданий, болезней, смертности. «В Африке на протяжении нескольких лет продолжался скандал, вызванный запретом на производство дешевых местных аналогов дорогих западных препаратов. Разница в ценах была от 10 до 1000 раз. В ряде случаев это был вопрос жизни и смерти: люди, лишенные лекарств, не выживали, если не могли заплатить. В итоге корпорации уступили, но ВТО до последнего сражалась за их права» [Кагарлицкий 2008].

Фармацевтические компании бедных стран производят жизненно важные медикаменты для своего населения, которые стоят намного дешевле, чем аналоги с Запада. Но вооруженный защитой своих интеллектуальных прав Запад стремится распространить в мире именно свои препараты, хотя многие из них просто недоступны по цене для бедных людей. Конечно, прибыль в условиях неолиберального капитализма всегда важнее, чем жизни людей из стран третьего мира. Очевиден социальный вред от таких форм защиты права собственности. Миллионы жителей Африки погибают, в том числе от функционирования системы патентования. И при этом американские элиты и связанная с ними корпоратократия постоянно утверждают, что они ориентированы на свободное развитие всех народов, рост их благосостояния и всеобщую демократизацию.

Нередко глобальные фармакологические монополии не просто необоснованно завышают цены на свои продукты, но делают последние крайне вредными для здоровья. Так, главной причиной роста смертности в США называют повышенную доступность в аптеках обезболивающих препаратов (в первую очередь опиоидов), приобретение которых навязывают врачи под воздействием фармацевтического лобби. Правда, вклад в распространение анальгетиков внес и характер американской коммерциализированной медицины, при которой врачи пытаются отмахнуться от пациентов и зачастую не способны определить причины боли. Пациенты же не имеют денег не только на оплату лечения, но и на серьезные анализы. В результате вместо тенденции лечить причины боли стала господствовать тенденция устранения ее по принципу «не терпите боль, а примите таблетку» [см.: Делягин 2019].

М. Хардт и А. Негри приводят пример социально вредного патентования. В 1976 г. в медицинском центре при Калифорнийском университете в отношении пациента с лейкозом ворсистых клеток врачи пришли к мнению, что его кровь обладает особыми свойствами, полезными при лечении лейкозов. В 1981 г. они получили патент (оформленный на Калифорнийский университет) на линию Т-клеток, то есть последовательность генетических данных, полученных посредством изучения крови данного пациента. Потенциальная стоимость продуктов, произведенных с помощью этих данных, была оценена в 3 млрд долларов. Пациент предъявил университету иск за владение Т-клетками и генетическими данными, но тот был отклонен в Верховном суде Калифорнии. По мнению суда, Калифорнийский университет – законный владелец линии клеток, так как если встречающийся в природе организм запатентован быть не может, то изъятая из него учеными информация подлежит патентованию, будучи результатом функционирования человеческого ума [Хардт, Негри 2006]. Компания «Эли Лилли» является держателем патента на выделение инсулина из поджелудочной железы животных. Однажды она перестала производить свиной и коровий инсулин и этим лишила легкодоступного альтернативного источника сверхчувствительных диабетиков [см.: Левонтин 2003].

И таких примеров в патентной истории очень много. Все они создают прочную основу для коммерциализации медицины, превращения ее из благого дела по поддержанию здоровья людей в бизнес, характеризующийся монополизмом. В целом в результате узаконивания патентования возрастает монополизм на продажу тех или иных изобретений. Монополизм же предполагает в особом случае непредоставление нуждающемуся обществу необходимых и доступных лекарств со всеми вытекающими последствиями для выживания этого общества. Неудивительно, что в странах третьего мира из-за этого люди массово умирают от болезней, которые человечество давно уже научилось эффективно лечить. Здесь следует вспомнить не просто социалистический, а жизнеутверждающий принцип: если вместо соперничества каждый получает доступ к разработкам друг друга, то каждый может пользоваться плодами всеобщего разума и получать ресурс для более комфортной жизни и для развития. Обратим внимание также на классическое обвинение, которое социалистическая мысль направила в сторону капитализма – торможение развития производительных сил. Посредством именно (и не только) интеллектуального права собственности осуществляется это торможение.

Однажды биологи из Висконсина сделали важные шаги в расшифровке генома макаки-резуса. Обрадованный ректорат сразу вызвал команду адвокатов, которые запатентовали открытие, причем, что немаловажно, применительно ко всем приматам, включая человека. Следовательно, иные ученые в данной области обязывались платить висконсинцам пошлину. Однако университет столкнулся с серьезным протестом и отступил [см.: Дерлугьян 2013]. Для нас в данном случае интересен не факт отступления, а содержание намерений защитников права на интеллектуальную собственность. Этот пример, как и многие другие, наглядно указывает на попытку взимать ренту с других ученых, что в результате могло привести также к снижению доли научных исследований в рамках очень широкой

сферы деятельности науки. Связывать такие последствия с прогрессом в принципе невозможно.

Подобные примеры говорят о стремлении ограничивать доступ к знаниям, а значит, препятствовать свободному развитию науки и созданию новых прорывных технологий. Знание должно быть общедоступным, так как именно его доступность (конечно, не только она) приводит к появлению талантов и гениев. Для того чтобы человек изобрел нечто новое и значимое, он должен обладать уже добытыми кем-то знаниями. И нельзя сказать, какие из них станут основой для его творческого прорыва. Как замечает Г. Дерлугьян, эмпирический анализ взаимодействия Стэнфорда с Силиконовой долиной показал, что принесшие коммерческий успех инновации возникли на основе свободного интеллектуального обмена в сообществе ученых, техников и студентов [Дерлугьян 2013]. Конечно, при постулировании необходимости свободного обмена информацией речь стоит вести не только о коммерческом успехе определенного проекта, а обращать свой взор на развитие науки и техники в максимально широком смысле.

При защите системы патентования нередко апеллируют к справедливости. Однако данная апелляция представляет собой симулякр, некую языковую ловушку.

На Западе существует огромное число патентов не на изобретенные технологии, а на присвоенные; просто хитрые деятели вовремя присваивают себе то, что было изобретено когда-то чуть ли не анонимно и перешло в общее достояние цивилизации. Даже сторонник неолиберализма А. Никонов, которого нам трудно назвать своим идеологическим союзником, пишет, что американским ученым свойственно присваивать себе изобретения, ранее сделанные кем-то другим. Зачастую они, защищая патенты, пренебрегают проведением патентного поиска на русском языке, так как недооценивают Россию, и выясняется, что доля запатентованных в США изобретений была сделана в России. А. Никонов описывает массу интересных фактов американской «толерантности», «свободы» и «законности». Иногда даже возбуждаются уголовные дела в отношении русских и других неамериканцев за то, что те имели неосторожность со всей научной объективностью ниспровергнуть теории своих менее квалифицированных американских коллег [Никонов 2010]. Вот такая индивидуальная честность ученых, которая вполне укладывается в национальную американскую честность, учитывая то, каким беспринципным образом американские политики вмешиваются в дела суверенных государств.

Американские компании получают патенты на зерновые культуры других стран; так, компания «РайсТек» в 1998 г. запатентовала индийский рис «Басмати», заявив, что она разработала новые сорта риса, хотя на самом деле этого не было.

Когда транснациональные корпорации производят относительно сложные в технологическом смысле продукты в низкоразвитых странах с дешевой рабочей силой, право на интеллектуальную собственность позволяет им вывозить из страны производства львиную долю прибыли и отказываться делиться технологиями. Это – один из элементов неоимпериализма и неокOLONИализма. Применительно к вопросу об империалистической ренте Э. Хиггинботтом пишет: «Формирование дополнительной прибавочной стоимости связано с качественными изменениями

в способе производства, которые, в свою очередь, тем или иным образом связаны с формированием монополии или исключительных прав, в противоположность конкуренции. Дополнительная прибавочная стоимость может извлекаться тремя основными способами, применяемыми отдельно или в сочетании: это сверхэксплуатация труда при помощи сниженных зарплат, ведущая к обнищанию и истощению рабочей силы; опустошающее извлечение невозобновляемых природных ресурсов и захват в исключительное частное владение прав на передовую технологию» [Хиггинботтом 2012]. Эти способы одновременно представляются как условиями, так и сопутствующим продуктом мирового неравенства и эксплуатации одних стран другими. Чем сильнее используются данные способы, тем более углубляется расслоение между странами и народами, тем глубже эксплуатируемые страны погружаются в условия недоразвитости.

Как пишет А. Тарасов, стремление ввести частную собственность в сфере знания и информации сопряжено с расхищением ресурсов планеты в ущерб человечеству ради прибыли частных лиц и корпораций. Автор приводит следующие примеры. Западные химические концерны скупили и «закрыли» более 200 патентов на производство нервущихся нейлоновых чулок. «Белл» еще до Первой мировой войны купила патент на производство неперегорающей лампочки накаливания и тратит огромные средства на продление этого патента [Тарасов 1996]. В результате корпорации не предлагают покупателям нервущиеся чулки и неперегорающие лампочки, ведь это невыгодно. Нужно, чтобы человек не один раз купил изделие, а постоянно возвращался и покупал снова и снова. Более того, необходимо, чтобы у конкурентов не было таких «долгоиграющих» изделий. Здесь перед нами раскрывается тема запланированного устаревания, характерная для капиталистического общества потребления [см.: Ильин 2012; 2016].

Абсолютизация частной собственности не предполагает открытого, подконтрольного обществу создания тех или иных технологий, скрывааемых патентным правом. Поэтому корпорации, занимающиеся созданием генно-модифицированных объектов, могут быть спокойны: вред от их продукции трудно зафиксировать. Контроль над исследованиями, продукт которых затронет здоровье и жизнь множества людей, должен находиться в руках широкой общественности, а значит, от самих исследований требуется полная прозрачность. Но патентное право сохраняет за собой свои сторожевые функции.

Капиталистическая абсолютизация частной собственности переходит все мыслимые пределы. Так, наблюдаются попытки запатентовать не конкретный созданный (модифицированный) объект, а целый вид объектов, причем принадлежащий к живой природе, то есть животный или растительный вид. М. Хардт и А. Негри в качестве примера подобной биособственности приводят «онкомауса» – запатентованную породу животного. Его создала лаборатория «Дюпон» совместно с Гарвардским университетом, трансплантировав мыши ответственный за выработку раковых клеток человеческий ген. Данная мышь предрасположена к возникновению у нее раковых опухолей и потому нужна для онкологических исследований. «Дюпон» продает этих мышей в качестве исследовательского материала, владея не просто отдельной мышью, а данной породой мышей [Хардт, Негри 2006]. Получается, патент возможен не только на технологию создания ор-

ганизма, но и на сам организм. При доведении «патентной» логики до абсурда (она в принципе абсурдна) получается, что патентовать можно не только то, что создано умом и руками человека, но и то, что создано природой и является всеобщим достоянием; назовем это приватизацией природного или общечеловеческого.

В книге М. Хардта и А. Негри находим еще два интересных примера приватизации общечеловеческого. 1) Индийские земледельцы веками размельчали семена дерева ним и разбрасывали их в поле для защиты урожая от насекомых. В 1985 г. химическая компания «У. Р. Грейс» запатентовала естественный нетоксичный и безвредный для растений пестицид на основе семян нима. Борьба против этого патента оказалась безуспешной в американских судах. С 1985 по 1998 г. было выдано 40 патентов на продукты, основанные на дереве ним. 2) Медицинский центр Университета штата Миссисипи в 1995 г. получил патент на «применение куркумы для заживления ран». Порошок из куркумы в Индии является традиционным средством при лечении порезов и царапин. Благодаря Индийскому совету научных и промышленных исследований патент был отозван. Причина отзыва не сводилась к тому, что куркума традиционно используется. Американские юридические инстанции не обязаны принимать во внимание свидетельства о традиционном знании, если оно не признано формально и не цитируется в научных журналах. Патент на куркуму отозвали вследствие того, что ее предшествующее использование уже было отражено в научных публикациях.

В общем, патентование выходит за границы здравого смысла, когда распространяется на лекарства, генетические коды, природные ресурсы, идеи, знания, технологии или же на созданные рабочими, но присвоенные капиталистом продукты. Интересно было бы представить такую креативность, посредством которой патентование наступило бы на использование цвета или слова. Вот запатентовала фирма зеленый цвет и слово «любовь», и никто отныне не имеет право использовать ни то, ни другое. Это – частная собственность, непогрешимая и незабвенная. А может, патентование довести до приватизации целого языка, а заодно языка жестов?

Еще одна особенность патентования – продажа не самих технологий, а возможности ими пользоваться. Сохранение прав собственности на основные технологии позволяет развитым странам и отдельным корпорациям получать огромные суммы технологической ренты. Возникает соблазн жить за счет ренты, используя свое право устанавливать монополистическую цену и сохранять технологию исключительно в своей собственности. Поэтому – и не только поэтому – оказывается неверной неолиберальная догма о том, что при рыночных отношениях каждый актер имеет равный доступ к информации, на основе которой он может принимать рациональные и взвешенные решения.

Как пишет Д. Харви, права интеллектуальной собственности, установленные Соглашениями по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности в рамках ВТО, определяют как предмет частной собственности генетические материалы, зародышевую плазму и прочие продукты; и потому можно получать ренту за право использовать эти продукты с тех стран, которые сыграли основную роль в разработке соответствующих материалов. Растущий запас мировых

генетических продуктов переходит в распоряжение немногочисленных фармацевтических компаний [Харви 2007].

Можно сказать, что проект по защите интеллектуальной собственности – это узаконенное извлечение прибыли от сокрытия технологий, которые могут быть необходимы человечеству, и от присвоения чужих технологий. В целом патентование оборачивается недоиспользованием имеющихся (но закрытых от большинства людей) знаний и, соответственно, барьером для разработки и внедрения необходимых инноваций и прорывных технологий.

Также формируется риск того, что владельцы технологий будут сохранять за собой доступ к индивидуальной информации о потребителях и к использованию этой информации. Пользователи не будут обладать самими технологиями, секретами их производства, и владельцы могут при необходимости отключить пользователей от этого ресурса. Последние окажутся в серьезной зависимости от владельцев технологий. Более того, крайне рискованно не продавать, а передавать в аренду особо важные технологии. Применяясь на важных инфраструктурных объектах, они способны блокировать работу соответствующих структур. Также с их помощью владельцы потенциально способны перехватить управление структурами, на которых технологии применяются, что отразится на системе хозяйства целых стран, их экономике, благосостоянии и государственном суверенитете. Технологические формы господства отменяют принцип «кто богаче, тот и влиятельнее». Контроль переходит в руки не столько по критерию денежного ресурса, сколько по критерию технологических возможностей.

М. Г. Делягин делает далеко идущий вывод, что развитие метатехнологий открывает эру принципиально новых технологических форм господства, пришедших на смену финансовым. Новые формы господства могут контролировать богатства людей и организаций, а через контроль за инфраструктурой их деятельности способны контролировать саму деятельность в ее наиболее значимых аспектах. Развитие и распространение этих технологий могут сохранить и во многом усилить доминирование на мировых рынках глобальных монополий, в основном базирующихся в США [Делягин 2016]. Эти монополии стремятся подорвать появление технологически развитых конкурентов.

А вот пиратство, как бы критически к нему ни относились, своей контрафактностью понижает спрос на дорогие товары, делает их доступными, лишает акул бизнеса возможности завышать цены на продаваемую продукцию и извлекать дополнительные доходы.

Производители пытаются создавать подделки хороших запатентованных товаров, тем самым конкурируя с собственником патента и не рискуя судебными разбирательствами. Но для ликвидации судебных рисков необходимо каким-то образом изменить товар, чтобы он не был полностью идентичен оригиналу. Соответственно, его наделяют ненужными деталями, и его цена возрастает. При отсутствии патентования не было бы необходимости мимикрировать товар, которая отражается на его цене. А учитывая то, что США вполне грамотным образом переманивают к себе наиболее талантливых изобретателей в самых разных областях, узаконивание патентов выгодно прежде всего американскому капиталу и бьет по производству технологий в других странах. Право интеллектуальной соб-

ственности – это, в сущности, метод злоупотребления господствующим экономическим положением со стороны глобальных структур, стремящихся к монополизму. При отсутствии патентования и наличии сильного желания поднять собственное производство практически любая страна получила бы дополнительную возможность усовершенствовать многие производственные технологии, а цены на товары бы снизились.

Развивающимся странам необходимо увеличение темпов экономического роста и повышение доходов населения, однако их действия в этом направлении объективно вызывают увеличение выбросов CO₂ и нарастание экологических проблем. Развитые страны используют передовые технологии, внедряют экологичные производства в своих границах, переводя «грязные» производства в страны периферии. Следовательно, введение жестких экологических стандартов выгодно развитым странам, поскольку создаст дополнительные ограничения для развивающихся. Последним требуются освоение, внедрение и развитие современных технологий, которые обеспечивают энергосбережение и снижение экологической нагрузки на окружающую среду при сохранении экономического роста [см.: Малков и др. 2018]. Конечно, мы не можем сказать, что развитые страны повсеместно в своих границах внедряют экологически чистые производства. Для нас главное другое – в условиях существования патентного права неудивительно, что третий мир испытывает дефицит передовых технологий. Значит, доносящиеся от западных политиков призывы к сбережению экологии и основанные на них стандарты – всего лишь элемент лицемерной политики, еще в большей степени закабаляющей третий мир. «Несомненно, что страны Запада отнюдь не спешат ни с кем делиться высокими технологиями, но при этом всячески навязывают свои идеологические клише и поведенческие нормы» [Сеидова 2013: 69].

Индия и Китай, например, стараются не признавать права на интеллектуальную собственность, а потому некоторые сферы их производства развиваются в большей степени, чем могли бы при таком признании. Запад не торопится продавать Китаю лицензии на технологии по приемлемой цене, чтобы повышалась конкурентоспособность китайского производства, и КНР вместе с Индией в реальности отказались от признания интеллектуальной собственности. Запад и США не имеют возможности оказывать серьезное давление на Китай, который, будучи членом ВТО, является также крупной военной и экономической державой. Россия же молчаливо признает право на интеллектуальную собственность, равно как узаконивает различные социально вредные неолиберальные проекты.

Если бы наша страна брала пример с Китая в отношении прежде всего американской интеллектуальной собственности, это развязало бы руки в производственной сфере. Такие решения, конечно, стоило бы квалифицировать как грубое нарушение прав. Но оно вполне оправданно, если затрагивает интересы тех, кто сам в тысячу раз более кощунственным образом нарушал чужие права и реализовал самую вероломную из известных истории человечества геополитическую стратегию. Тем более не всегда выработанные и внедренные права являются социально необходимыми. Марксистской мысли давно известен феномен законов, защищающих богатых и влиятельных от бедных и слабых. Права социального меньшинства могут реализовываться на законодательном уровне так, чтобы

нарушать права большинства. Поэтому следует сказать, что не всякие международные законы достойны быть таковыми.

Система защиты интеллектуальных прав собственности, защищая правообладателей от возможных конкурентов, тормозит технологический прогресс. Его же тормозят нарушающие международное право военные акции США и их союзников против целого ряда стран. Его же тормозит система неолиберализма, которая распространяется в мире с помощью «несвятой троицы» ВТО, МВФ и ВБ, вгоняя в кабалу целые страны и народы, заставляя их совершать повсеместную приватизацию, открывать экономики перед глобальным капиталом. Последний не хочет получить в их лице возможных конкурентов и потому подрывает на корню, а заодно грабит, дешево выкупая их активы и «подсаживая» на кредитные долги. Расширяющийся в глобальном масштабе неолиберализм, кроме прочего, снимает преграды с развития сектора спекулятивного капитала, и огромные средства вместо реального производственного сектора (способного реализовывать прогрессивные в технологическом смысле проекты) вкладываются в финансовые спекуляции.

Поэтому выглядит крайне ошибочной и даже лживой либеральная мантра о том, что защита прав интеллектуальной собственности движет технологический прогресс, а постоянный рост производительности повысит уровень жизни для всего общества. Также абсолютно неверна либеральная догма о свободном рынке как эффективном средстве ликвидации бедности в мире.

Литература

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг.. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

Деягин М. Г. Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить. СПб. : Питер, 2016.

Деягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. II. Специальная теория глобализации. 12-е изд., перераб. и доп. М. : Политиздат, Книжный мир, 2019.

Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013.

Ильин А. Н. Культура, стремящаяся в никуда: критический анализ потребительских тенденций. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012.

Ильин А. Н. Наше потребительское настоящее. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2016.

Кагарлицкий Б. Проблема ВТО [Электронный ресурс] : Скепсис. 2008. URL: http://scepsis.net/library/id_2164.html (дата обращения: 08.12.2020).

Левонтин Р. Эра ДНК [Электронный ресурс] : Скепсис. 2003. URL: http://scepsis.net/library/id_2629.html (дата обращения: 14.11.2020).

Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. М. : АСТ, 2021.

Малков С. Ю., Билюга С. Э., Власова А. Ю. Энергоэкологические проблемы глобального развития: опыт количественного анализа // Век глобализации. 2018. № 2. С. 72–88.

Никонов А. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. 3-е изд. СПб. : Питер, ИЦ ЭНАС, 2010.

Сеидова Г. Н. Ислам и глобализация: за и против // Век глобализации. 2013. № 1. С. 67–78.

Тарасов А. Суперэтатизм и социализм [Электронный ресурс] : Скепсис. 1996. URL: http://scepsis.net/library/id_102.html (дата обращения: 12.11.2020).

Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М. : Поколение, 2007.

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006.

Хиггинботтом Э. Империалистическая рента на практике и в теории [Электронный ресурс] : Скепсис. 2012. URL: http://scepsis.net/library/id_3916.html (дата обращения: 18.11.2020).

References

Wallerstein I. Mir-sistema Moderna [The Modern World-System]. Vol. II. Merkantilizm i konsolidatsiya evropeyskogo mira-ekonomiki, 1600-1750 gg. [Mercantilism and Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750]. Moscow : Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2015.

Delyagin M. G. Novaya Rossiya. Kakoe budushcheye nam predstoit postroit' [New Russia. What Future We Have to Build]. St. Petersburg : Piter, 2016.

Delyagin M. G. Konets epokhi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! [The End of the Era: Beware, the Doors are Opening!] Vol. II. Spetsial'naya teoriya globalizatsii [Special Theory of Globalization]. Moscow : Politizdat, Knizhnyy mir, 2019.

Derlugian G. Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosociologicheskiye temy [How This World Works. Sketches on Macrosociological Topics]. Moscow : Gaidar Institute Publishing, 2013.

Ilyin A. N. Kul'tura, stremyashchayasya v nikuda: kriticheskiy analiz potrebitel'skikh tendentsiy [Culture Going Nowhere: A Critical Analysis of Consumer Trends]. Omsk : OmSPU Publishing, 2012.

Ilyin A. N. Nashe potrebitel'skoe nastoyashcheye [Our Consumer Present]. Omsk : OmSPU Publishing, 2016.

Kagarlitsky B. Problema VTO [The WTO Problem] // Skepsis. 2008. URL: http://scepsis.net/library/id_2164.html (accessed: 08.12.2020).

Levontin R. Era DNK [The Era of DNA] // Skepsis. 2003. URL: http://scepsis.net/library/id_2629.html (accessed: 14.11.2020).

Lenin V. I. Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism]. Moscow : AST, 2021.

Malkov S. Yu., Bilyuga S. E., Vlasova A. Yu. Energoekologicheskie problemy global'nogo razvitiya: opyt kolichestvennogo analiza [Energy-Ecological Problems of Global Development: Experience of Quantitative Analysis] // Vek globalizatsii. 2018. No. 2. Pp. 72–88.

Nikonov A. Konets feminizma. Chem zhenshchina otlichayetsya ot cheloveka [The End of Feminism. What is the Difference between a Woman and a Man?]. St. Petersburg : Piter, NC ENAS, 2010.

Seidova G. N. Islam i globalizatsiya: za i protiv [Islam and Globalization: Pros and Cons] // Vek globalizatsii. 2013. No. 1. Pp. 67–78.

Tarasov A. Superetatizm i sotsializm [Superethatism and Socialism] // Skepsis. 1996. URL: http://sceptis.net/library/id_102.html (accessed: 12.11.2020).

Harvi D. Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual'noye prochteniyе [A Brief History of Neoliberalism. The Actual Reading]. Moscow : Pokoleniye, 2007.

Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii [The Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006.

Higginbottom E. Imperialisticheskaya renta na praktike i v teorii [Imperialist Rent in Practice and Theory] // Skepsis. 2012. URL: http://sceptis.net/library/id_3916.html (accessed: 18.11.2020).